

Роберт Бернс

Стихотворения

Роберт Бернс

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11699026

Аннотация

«Стихотворения» – сборник великого шотландского поэта и фольклориста Р. Бернса (1759 – 1796).***

Поэзия автора эмоциональна, проста, ритмична и музыкальна. Изначально многие стихи создавались как песни. Не случайно в переводе Маршака они легко ложились на музыку Шостаковича, Свиридова, Петрова и других. Даже слова популярной песни «Моей душе покоя нет» из кинофильма «Служебный роман» – это стихи Бернса. Он писал о жизни простых людей, которые грустят, радуются, страдают и любят. Их образы всегда конкретны, предельно ясны, тон искренний и душевный.

Перу Бернса принадлежат и такие произведения: «Веселые нищие», «Тем О’Шентер» и «Джон Ячменное Зерно».

Содержание

На чужбине	4
Довольство судьбой	5
В поле	6
Песня	7
СЕЛЬСКИЙ СУББОТНИЙ ВЕЧЕР В ШОТЛАНДИИ	8
К ПОЛЕВОЙ МАРГАРИТКЕ...	23
ПАХАРЬ	26
Две собаки	27
На чердаке	37
Смерть и доктор Горнбук	38
Робин	51

Роберт Бернс

СТИХОТВОРЕНИЯ

На чужбине

Я сердцем не здесь, я в шотландских горах,
Я мчусь, забывая опасность и страх,
За диким оленем, за ланью лесной, —
Где б ни был я – сердцем в отчизне родной.

Шотландия! смелых борцов колыбель,
Стремлений моих неизменная цель,
С тобой я расстался, но в каждом краю
Люблю я и помню отчизну мою!

Простите, вершины скалистые гор,
Долин изумрудных цветущих простор!
Простите, поляны и рощи мои,
Простите, потоков шумящих струи!..

Я сердцем в родимых шотландских горах;
Я мчусь, забывая опасность и страх,
За диким оленем, за ланью лесной, —
Где б ни был я – сердцем в отчизне родной!

Довольство судьбой

Свободен и весел, я малым доволен;
Мир божий мне кажется чудно приволен;
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню,
И призрак заботы я песней гоню.
Взгрустнется ль, порой, под ударом судьбы —
Я вспомню, что жизнь нам дана для борьбы.
Веселье равняется звонкой монете,
Свобода же – сан высочайший на свете,
И этого сана лишить не могли
Великие мужи ничтожных земли!
Мой путь не без терний, но раз уж пройден,
Кто вспомнит, – как труден был путнику он?
Фортуны слепую мы часто поносим,
Но как бы ее ни звалися дары:
Песнь, наслажденье, работа, пиры, —
На все отвечаю я: – милости просим!

В поле

Дженни платье разорвала;
Прицепился колос;
За собой она слыхала
В поле чей-то голос.

Дженни бедная бежала
Все по бездорожью,
Дженни платье разорвала,
Пробираясь рожью.

Если кто встречал кого-то
В поле знойным летом,
Что кому-то за охота
Толковать об этом...

Если кто во ржи кого-то
Целовал случайно —
Не для нас о том забота
И не наша тайна.

Песня

Я женат, и не для света, —
Для меня жена моя.
За душой одна монета,
Но ее не занял я.

В долг ничем я не ссужаю
Из соседей никого,
Но и сам не занимаю
У соседей ничего.

Не бывал я господином
И слугой ни для кого, —
Но с мечом моим старинным
Не страшусь я ничего.

Пусть мой голос мало значит,
Пусть живу я бедняком —
Обо мне никто не плачет,
Я не плачу ни о ком!

СЕЛЬСКИЙ СУББОТНИЙ ВЕЧЕР В ШОТЛАНДИИ

Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова

*Let not Ambition mock their useful toil,
Their homely joys, and destiny obscure;
Not Grandeur hear, with a disdainful smile,
The short and simple annals oi the poor.*

Gray¹

Послание к Ал. Ан. В...ковой:

Была пора – луч ясный в ней сиял,
Я сердцем жил, я радостью дышал,
И жизнь моя играючи летела.
Те дни прошли; одета черной мглой,
В моих очах природа потемнела;
Кругом гроза; но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей светлела;
Мне заменил твой дружеский привет
Обман надежд и блеск (веселых лет;
Забылось всё. – Как пленники к неволе,
Привыкнул я к моей угрюмой доле;

¹ Пусть Честолюбие не насмехается над их полезным трудом, над их скромными радостями, незаметной судьбой, пусть Величие не внимает с презрительной улыбкой краткими простым летописям жизни бедняков. Грей (англ.). – Ред.

Она – окажу ль – мне сделалась мила:
Меня с тобой она, мой друг, свела,
И, может быть, недаром мы узнали,
Как много есть прекрасного в печали!
Теперь с тобой надолго разлучен;
Но дружбою, но памятью твоею
Как воздухом душистым окружен;
Я чувствовать и думать не умел,
Чтоб чувств и дум с тобой не разделять.
Стеснен ли дух от мрачных впечатлений,
Горит ли он в порывах вдохновений —
Могу ль тебя, могу ль не вспоминать?
В уме моем ты мыслию высокой,
Ты в нежности и тайной, и глубокой
Душевных чувств, и ты ж в моих очах
Как яркая звезда на темных небесах.

Я ждал ее, я мчался к ней душою,
Я для нее сквозь слезы песни пел,
Я пел, – она... была уж не земною;
Звук томных струн, он к ней не долетел;
Тиха ее далекая могила;
Душа светла в надзвездной стороне;
Но сердце тех, кого она любила...
Святая тень! Молися обо мне...

1

Ноябрь шумит; в полях метель и вьюга;
Ненастный день стал меркнуть за горой;
Уж отпряжен усталый бык от плуга,
И весь в пыли он тащится домой.
Поселянин скорей спешит с работы;
С неделею окончены заботы;
Его соха, и лом, и борона,
И сбруя вся в порядке убрана;
Он веселит свое воображенье,
Что радостно начнется воскресенье;
И чрез лесок в уютный домик свой
Идет к семье на отдых и покой.

2

И на холме, дубами осененный,
Уж видит он приют уединенный;
Уже детьми он шумно окружен —
Обнять отца бегут со всех сторон.
Приветен вид его родимой сени;
Манят к себе трескучий огонек;
Как чисто всё, плита и очажок!

Залепетав, сын младший на колени
К нему вскочил, и, с важностью скромна,
Подсела к ним радушная жена;
Кругом себя бросая взор веселый,
Покоен, рад, забыл он труд тяжелый.

3

Меж тем пошла забота у детей:
Кто прячет плуг, кто стадо загоняет;
Обдумав всё, один из них скорей
В соседнее местечко посылает
Тихонько весть – и Дженни к ним бежит,
Надежда их, уж девушка большая,
Мила, свежа, как роза полевая,
У ней в очах любовь так и горит.
Смеется мать, отец не наглядится;
Как рада их к груди она прижать,
И рада им наряд свой показать,
И деньгами готова поделиться:
У той швеи, к которой отдана,
Своим трудом достала их она.

4-5

Родные все друг о друге приветно
Хотят узнать; семейный сладкий час
Веселье мчит в беседах незаметно:
То спор, то смех, и каждый свой рассказ
О том, где был, что видел, начинает;
Один начнет, другой перебивает;
А муж с женой-с детей не сводят глаз,
И речь начать, и дать совет готовы.
Хозяйка-мать, взяв ножницы с иглой,
Из лоскутков малюткам шьет обновы;
Отец молчит, но, помня долг святой,
Уж занят он их будущей судьбой.
Что мать с отцом велят повиноваться,
Радужно жить и помнить божий страх,
От нужд искать убежища в трудах,
И день и ночь порочных дум чуждаться,
Правдиву быть на деле и в речах —
Он вкоренял от детства в их умах;
Он говорил: «К прекрасному дорога
У всех одна – творца о всем молить,
Не делать зла, добро всегда творить;
С тем будет бог, кто сердцем ищет бога».

6

Но кто стучит тихонько у ворот?
Дивятся все, а Дженни узнает;
Дрожит как лист, едва промолвит слово:
«То, верно, сын соседа городского;
Его отец в село к нам посылал,
И он меня чрез поле провожал».
В раздумье мать; как делу быть, не знает,
Глядит на дочь и молча замечает,
Как вдруг любовь зажглась в ее глазах
И вспыхнула румянцем на щеках;
И мать спросить у дочери робеет,
Кто новый гость; а та дохнуть не смеет.
Но страх прошел; ответ был не худой:
Не из бродяг сосед их молодой.

7

И юноша красивый, статный входит,
И взор родных на гостя устремлен,
И Дженни к ним, стыдясь, его подводит,
И любо ей, что дружно принят он.
С ним речь завел хозяин говорливый,

Каков посев, о стаде, о конях.
Надежды луч горит в младых сердцах;
Но милый гость застенчив: торопливый,
Не знает он, что делать, что сказать.
Смекнула всё догадливая мать:
Нет, видно, дочь себя не уронила;
Девичью спесь, как должно, сохранила.

8

Любовь, любовь! живой восторг сердец,
Твой чистый жар всем радостям венец.
Уже давно я, путник неизвестный,
Чрез скучный мир печально прохожу;
Но долг велит, и правду я скажу;
В долине слез отрадою небесной
Одна любовь; нет радости другой!
Вот наших дней минуты золотые:
Когда одни, вечернею порой,
Стыдливые, любовники молодые,
В тени дерев, сидят рука с рукой;
Их взор горит весельем и тоской,
На их устах привет и ропот нежный;
А вокруг цветет шиповник белоснежный,
И тихо к ним склоняется кусток,
И веет им душисты! ветерок.

9

И где же, где найдется тот несчастный,
Злодей без чувств, кто б Дженни изменил,
В холодный яд обманом превратил
Мечту души невинной и прекрасной!
Как нарушать святое на земли,
Любовь и мир доверчивой семьи!
Взгляните там – вот жертва обольщения:
Она не ждет, не хочет утешенья;
Таясь от всех, уныла и бледна,
Во цвете лет рассудка лишена,
Как меж могил огни осенней ночи,
Так мрачные ее сверкают очи;
Рыдает мать, зачем она в живых;
Отец клянет позор власов седых...

10

Но ужин ждет – похлебка, дичь готовы,
Принесены творог и молоко,
Обычный дар любимой их коровы,
Да и сама она недалеко,

Пришла с двора – и голову с рогами
Просунула тихонько меж досками,
И сена клочок заботливо жует.
Хозяйка-мать то сядет, то уйдет,
О юноше хлопочет прихотливо,
И сочный сыр пред ним уже стоит,
И пенится некупленное пиво;
Он хвалит всё, за всё благодарит,
Узнав о том с подробностью большою,
Как делан сыр хозяйкою самою
И что ему тогда лишь минет год,
Как желтый лен в полях цвести начнет.

11

Довольны все. От добрых слов вкуснее,
Уже дошел их ужин до конца,
И старец встал; кругом огня теснее
Сядутся все, но тише и важнее,
И Библия покойного отца,
Бесценное наследство родовое,
Положена пред старцем на столе;
Он обнажил чело полвековое,
И волосы, рядами на челе
Приглажены к вискам его, белели;
И те стихи заметил он в псалмах,

Которые хотел, чтоб дети пели;
Потом сказал с слезами на очах:
«Помолимся подателю всех благ!»

12

Они поют. Сердечные, простые,
В один напев слилися голоса;
И звуки те шотландских гор родные,
И вера их несет на небеса.
В святую брань так мученики пели,
И, может быть, стремясь к высокой цели,
Наш Джон Граам и смелый лорд Эльджин
Слыхали их в рядах своих дружин,
Когда сердца огнем небес горели,
Когда, в руках молитвенник и меч,
Их рать неслась грозой народных сеч
И пряталась под бронюю верига.
Но снова вдруг возникла тишина;
У всех душа святынею полна —
Разогнута божественная книга.

13

Отец семьи, душой священник сам,
Читает в ней паденье человека,
Как богу был угоден Авраам,
Как Моисей гнал племя Амалека,
Иль страх и плач державного певца
Под грозною десницею творца,
Иль Иова и жалобы, и муки,
Иль дивных арф пророческие звуки,
Когда Исай, восторгами крушим,
Пылал и пел, как тайный серафим.

14

Иль чтение то Евангелья святое,
Как божий сын снишел и жил меж нас,
За грешных кровь безгрешного лилась,
На небесах он имя нес второе,
А на земле ему и места нет
Главы склонить. Иль как его завет
Меж градов, сел, народов отдаленных,
Везде проник в посланьях вдохновенных,
Как, заточен, возлюбленный Христом
В Патмосе жил, и ангела с мечом
Он в солнце зрел, внимая от Сиона
И гнев, и суд на гибель Вавилона,

15

Супруг, отец, угодник пред тобой,
Небесный царь, колено преклоняет,
И к небесам торжественно стрелой
С надеждою молитва возлетает:
«Да вместе их творец благословит,
Да в жизни той опять соединит;
И там, в лучах бессмертного сиянья,
Не будет где ни слез, ни воздыханья,
Друг другу мы час от часу милей,
Мы станем петь хвалу любви твоей,
А время течь своей стезею вечной
Кругом миров под властью бесконечной!»

16

Стремленье дум покорных и святых,
Сей набожный восторг людей простых —
Его не тмят обряд и блеск служенья,
Ни тонкий вкус пленительного пенья:
Кто зрит сердца, тот в благости своей
Равно царю и нищему внимает,
Под бедный кров от пышных алтарей

Он в хижину к молящим низлетает,
И благодать по вере им дана,
И вписаны на небе имена.

17

Час тихий сна меж тем уж приближался
И все идут на сладостный покой;
Простясь, вздохнул счастливец молодой;
Отец один с хозяйкою остался,
И долго он еще наедине
Молил творца в умильной тишине,
Чтоб тот, кто птиц и греет и питает,
Кто в нежный блеск лилею одевает,
Чтоб он, господь, во всем с семьей его
Всегда творил свою святую волю,
Как хочет сам, благословил их долю;
Лишь он просить дерзает одного,
Чтоб все они закон его хранили,
Всевышнего боялись и любили.

18

Так сельский бард своих родных полей

Оставил нам семейное преданье.
Цари творят богатых и князей, —
Муж праведный есть лучшее создание
Творца миров; и память старины,
Любовь семейств, отцовские уставы,
Блаженство, честь той дикой стороны
Еще хранят в ней доблестные нравы.
О, как певцу Шотландия мила!
Как молит он, чтоб родина цвела,
Да благодать небес над нею льется,
Сынов ее парок да не коснется,
Да в их груди течет Валлиса кровь,
И дух его, и к родине любовь
Пылают в них, и ангелом незримым
Да веет он над островом любимым!..

19

А я к тебе, к тебе взываю я,
Святая Русь, о наша мать-земля!
Цвети, цвети, страна моя родная!
Меж царств земных, как пальма молодая,
Цвети во всем, и в доле золотой
Счастлива будь, и счастье лей рекой!
Страна сердец, и дум, и дел высоких!
О, как гремят везде в краях далеких

Твоих дружин и флотов чудеса
И русских дев стыдливая краса!
Верна царям и верою хранима,
Врагу страшна, сама неустрашима,
Да будут честь и нравов простота
И совести народной чистота
Всегда твоей и славой, и отрадой,
И огненной кругом тебя оградой,
И пред тобой исчезнет тень веков
При звуке струн восторженных певцов!

1829

К ПОЛЕВОЙ МАРГАРИТКЕ...

...КОТОРУЮ РОБЕРТ БОРНС,

ОБРАБАТЫВАЯ СВОЕ ПОЛЕ,

НЕЧАЯННО СРЕЗАЛ ЖЕЛЕЗОМ СОХИ

В апреле 1786 г.

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час: тебя в красе
Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
Спасти тебя!
Не пестрый, резвый мотылек
Теперь твой нежный стебелек
На дерн, увлажненный росой,
Порхая, гнет;

К тебе румяною зарей
Он не прильнет.
В холодном поле ветер шумел,
И дождик лил, и гром гремел;
Но туча мрачная прошла,
Меж тем в глуши
Ты нежно, тихо расцвела,
Цветок любви.
Сады дают цветам своим
Приют и тень – и любо им;
Но сироту, красу полян,
Кто сбережет?
От зноя туча, иль курган
От непогод?
Из-под травы едва видна,
Цвела ты, прелести полна,
И солнца луч с тобой играл;
Но тайный рок
Железо острое наслал —
Погиб цветок...
Таков удел, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна.
Певцу удел такой же дан:
Бушует жизни океан,
Не видно звезд, а он плывет,

Надежда мчит;
Он прост душой, он счастья ждет...
Челнок разбит.
И добрый, злыми утеснен,
Тому ж уделу обречен:
Никто ничем не упрекнет,
А жил в слезах;
Приюта нет; он отдохнет...
На небесах!
И я горюю о цветке;
А может быть, невдалеке
Мой черный день; и как узнать,
Что Бог велел?
Не о себе ли горевать
И мой удел?..

ПАХАРЬ

Вешнее солнце вошло над землей.
Пахарь-красавец идет за сохой.
Тихо идет он и громко поет:
«Кто-то весной как пахарь живет?»

Резвая пташка летит в небеса;
Рано проснулась: на крыльях роса.
С пахарем пташка поутру поет;
К ночи подруга в гнезде ее ждет.

Две собаки

Есть небольшой шотландский островок,
Носящий короля старинного название
(О Койле-короле еще живет преданье).
Был ясный летний день, прошел полудня срок,
Когда два пса до дому пробирались
И на пути случайно повстречались.

Один из них вельможи сытый пес,
Для барского живущий развлеченья,
По кличке Цезарь был. Он гордо хвост свой нес,
И каждый смело делал заключенье,
Смотря на склад его от головы до ног,
Что он шотландскою собакой быть не мог,
А родился далеко очень где-то.

На нем ошейник медный был надет
С замком и буквами; то лучшая примета,
Что он учен, и знает жизнь, и сыт.
Породистый и статный, он, однако,
Не чванился породой дорогой:

С ним поболтать могла часок-другой
Забитая цыганская собака.

На рынке иль у мельницы, подчас,
Увидя, что бежит дворняшка собачонка,
Приветствуя ее, начнет он лаять звонко
И с нею болтовню заводит каждый раз.
Другой же пес, веселый, умный, рьяный.
Принадлежал крестьянину давно
И жил с ним словно с другом, заодно
Служа ему забавой и охраной.
Собаку эту Лютом все зовут:
Ее хозяин, Бог весть почему-то,
Ей некогда придумал кличку Люта.

Понятливый, проворный, верный Лют
Скакал чрез рвы и разные преграды,
Все понимал, едва ему мигнут,
И Люту все в деревне были рады.
Мохнатая, волнистая спина
У пса была блестяща и черна,
Грудь белая, и тонкой шерсти пряди
Его хвоста вились красиво сзади.

Друг друга псы любили, и о том,
Что в мире удавалось им пронюхать,
Потолковать минуточку одну хоть,
Помахивая весело хвостом,
Они любили также, но уныло
Они сошлись теперь, и видно было,
Что у друзей не радость на уме
(Они устали, время шло к обеду).
И вот, усевшись рядом на холме,
Они о людях начали беседу:

Цезарь.

Дивился я не раз, любезный Лют,
Тому, как ты, тебе подобные живут,
И, роскошь испытав, вздыхаю иногда я,
За вашей горькой долей наблюдая.

Наш лорд тебе известно, как живет
В довольстве и тепле, что вздумал – ест и пьет,
По колокольчику бежит к нему прислуга,
Захочет – встал, захочет – спать он лег,
И золотом всегда наполнен туго
Его, как хвост мой, длинный кошелек.

За разною стряпней, печеньем и вареньем
Хлопочут повара у нас всегда.
Сперва за стол садятся господа,
Потом вся челядь ест с остервененьем
Господские объедки; даже тот,
Наш конюх, запаршивевший урод,
Обедает сытней, чем фермер всякий.
Что ж до того, что ест и пьет бедняк
В убогой хижине – я не пойму никак...
Гораздо лучше даже быть собакой.

Лют.

Да, Цезарь, наш несчастный селянин,
Ворочая камнями для плотин,
Копая рвы, работою тяжелой,
Не разгибая до ночи спины,
Хлеб черствый добывает для жены
И для семьи несчастной, полуголой —
Всех надобно обусть и приодеть,
От скудной платы как сберечь излишек;
Когда ж ему случится заболеть —
Бог ведает, чем накормить мальчишек;
Казалось, им тут и околеть,
Но видно, их судьба хранит на свете:
Растут и здоровеют эти дети.

Цезарь.

Зато в каком пренебрежении вы!..

...

Во мне все сердце кровью обливалось,
Когда, порой, мне слышать удавалось,
Как фермеров несчастных поносил
Наш управляющий: ногами в землю бил,
Имущества последнего лишал их,
И бедняков измученных, усталых,
Запуганных, вид безнадежен был.
Богач живет, ничем не озабочен,
А бедные, скажи, несчастны очень?

Лют.

Да, но не так, как думаешь, друг, ты.
Жизнь не легка для них от нищеты,
Но так они привыкли к ней, что мало
Она пугать и устрашать их стала.
Им улыбается и счастье иногда,
Когда спины хоть день им гнуть не надо:
Ведь после бесконечного труда
Досуга час – есть лучшая отрада.
В конце рабочего и трудового дня
Семья и дети – вот их утешенье,
Им дорога малюток болтовня.
Они за кружкой пива в воскресенье
Толкуют о делах своей страны,
О том, что новые налоги быть должны,

Хотя и так конца нет всем налогам...
Так с грустью бедняки беседуют о многом.
Когда ж настанет осень, за серпы
Крестьянин честный весело берется,
И звонко смех веселый раздаётся,
И сыплются остроты из толпы.
Любовь и жизнь!.. Невзгоды все забыты...
Когда ж настанет ночь под новый год,
Запрут крестьяне двери у ворот:
– «Жена! Скорее пива нам неси ты!..»
Кричат мужья, и трубки их дымят,
И старики о прошлом говорят,
И слышен хохот доброй молодежи,
Так, что я сам развеселяюсь тоже...
И лаем отвечаю на их смех.
Но все ж ты прав, – скрывать мне для чего же? —
Нередко с бедняком случается тот грех.
Что он дотла приходит в разоренье,
И расхищает все его именье
Пройдоха, негодяй какой-нибудь,
Чтоб этим проложить скорейший путь,
К вельможе именитому пригреться
И в душу заползти к нему ужом,
Чтобы в парламент английский потом
Для блага всей Британии втереться.

Цезарь.

Ну, нет, мой друг, ты в этом не силен;

О благе тут не может быть и речи.
Прихвостник сильных лордов, может он
Менять свой взгляд при каждой новой встрече,
Он шляется по гульбищам, кутит,
Заклады держит, пьянствует в кредит,
Без пошлости не делает ни шагу,
Иль отправляется через Кале иль Гагу
Свет посмотреть в Париж или Мадрид —
Проматывать отцовские именья,
На бой быков взглянуть для развлечения,
Испанке на гитаре побренчать,
В Венеции в гондоле прокатиться
И силу вод немецких испытать,
Чтоб, разжирев, в отчизну воротиться,
Чтоб смыть с себя лобзаний ваших след,
Италии прекрасные сеньоры...
О благе Англии не говори же – нет!
Не от таких людей ей ожидать опоры;
Они ее несчастье и позор...

Лют.

Так вот на что мотают с давних пор
Свои доходы эти шелкоперы!
Так вот куда идут те медные гроши,
Оторванные прямо от души
Голодных бедняков!
Беспутные столицы!..
Ужели жизнь спокойная в глуши,

Где пышные не мчатся колесницы,
Скучнее жизни бешеных столиц?...
Средь поселян есть много честных лиц,
И бьется сердце честное в их груди.
Что за беда, что в зиму эти люди
Порубят лес хозяйский иногда,
Подстрелят зайца – экая беда! —
Иль над любовницей владельца посмеются...

Но расскажи мне, Цезарь, как живут
Богатые? Им неизвестен труд,
От холода счастливы не трясутся...
Чай, горе им не снится и во сне?

Цезарь.

Ну, нет, мой друг. Когда б, подобно мне,
Ты их узнал, ты думал бы иначе.
Они не мерзнут в холод, словно клячи.
Работая, не надрывают спин
И доживают мирно до седин;
Но люди уж так глупы от рожденья:
Их хоть воспитывай и вздумай обучать,
Иль сами для себя придумают мученья,
Иль станут друг на друга нападать,
Тем больше одержимые тоскою,
Чем менее для жалоб есть причин...

Окончивши работу за сохою,
В семью спешит довольный селянин;
Красавица, сидящая за прялкой,
Хочет весело, осилив труд денной,
Но у господ и барынь всех – иной
Удел в довольстве, в жизни праздно-жалкой:
Они слоняются без цели целый день
Усталые, – им жить и думать лень,
Они больны болезнию особой —
Тоскою, перемешанной со злобой,
Их сон тяжел, их вечная хандра
На все балы, соборья, вечера —
Где роскошь, блеск и волны аромата —
Бредет за ни ми нынче, как вчера,
Всегда, везде... И в оргиях разврата
Стараются спастись от тоски
И юноши и даже старики,
От грязных ласк и от вина пьянея;
А утром жизнь еще для них пошлее.

Разряженных красавиц ходит ряд...
О чем они, однако, говорят?
Для них нет клеветы, нет сплетни неприличной,
И с любопытством, с жадностью обычной
Они скандалы ловят на лету,
А по ночам со взглядом воспаленным
Азартную игру ведут на чистоту,

В ущерб своим поместьям разоренным,
На карту ставя фермера гумно,
И горе бедняка развратникам смешно.
Конечно, не во всех такое развращенье,
Есть исключения, но я скажу одно,
Что очень редки эти исключения...

Но солнце уж спустилось за горой,
И сумерки росли на небосклоне;
Жук зажуужал вечернею порой,
И замычали жалобно в загоне
Усталые коровы. Небеса
Синели, стали звезды разгораться...
Тогда, встряхнувши шерстью, оба пса
С мест поднялись, готовые сознаться,
Что человек несчастнее собак,
И разошлись, но порешили так,
Чтобы на днях опять им увидаться.

На чердаке

День и ночь – сутки прочь;
Так я век проживу.
Снится бедность мне в ночь, —
Нищета на яву.

Всем я людям чужой
И чужие все мне.
Только вечно со мной
Тень моя на стене.

Мне подруга верна, —
Я подругу ценю,
А изменит она, —
Так и я изменю.

Я спины никогда
Не согну ни пред кем; —
Только мне-то, нужда,
Спину гнешь ты зачем?

Смерть и доктор Горнбук

1.

Есть много книг, в которых сплошь
От А до ижицы – все ложь.
Знавал и в жизни я вельмож,
Чья речь полна
Цитат из Библии, и все ж
В ней – ложь одна.

2.

Но я хочу, должны вы знать,
Одну лишь правду рассказать.
И черта можно отрицать,
Покуда ночью
Не привелось вам увидеть
Его воочью!

2-3.

Я засиделся вечерком
С Горнбуком, старым звонарем.
Он и людей лечил притом.
(Для прокормленья
Заняться лишним ремеслом
Не преступленье!)

3.

Домой я шел, чтоб лечь в постель,
Во мне шумел веселый хмель,
Но пьяным не был я, хоть эль
И был на славу;
Я всю дорогу помнил цель —
Не слечь в канаву.

4.

Меж тем луна уже вошла

И на холмы свой свет лила.
В ту ночь рогов ее числа
Я счесть не мог:
О четырех она была,
Не то о трех.

5.

За тем холмом, где поворот
К плотине мельничной идет,
Пришлось пустить мне палку в ход:
Я стал спускаться
И шаг за шагом лишь вперед
Мог подвигаться.

6.

Как вдруг, с трезубцем и с косой,
Я вижу призрак пред собой.
Признаться, стал я сам не свой
От этой встречи,
Хоть был мне призрак роковой
Едва по плечи.

7.

И вот ведь, странная черта:
Он был – совсем без живота,
А тощих ног его чета
Имела сходство
С двумя узлами из жгута.
Вот ведь уродство!

8.

Я начал: – Смею ли спросить:
Мы только стали боронить,
А вы – хотите уж косить?
Но тень ни слова.
– Нам по дороге, может быть? —
Спросил я снова.

9.

– Я Смерть! – сказал тогда скелет. —

Но не пугайся! – Я в ответ:
– Вы не за мной ли? Мой совет —
Не подходите!
Добром прошу вас! Если ж нет,
Вот нож, глядите!

10.

– Приятель, спрячьте ножик свой!
К чему вам ссориться со мной? —
Сказала Смерть. – Мне вас долой
С земли убрать —
Легко, как плюнуть. Лучше в бой
Нам не вступать!

11.

– Ну что ж, – сказал я: – по рукам!
Присядем здесь. Я рад вестям,
А их известно много вам;
По крайней мере,
Вы в эти дни то тут, то там
Стучитесь в двери.

12.

– Да. Да, – кивая головой,
Сказала Смерть, – своей косой
Давно кошу я род людской,
Чтоб прокормиться,
И я, как люди, день-деньской
Должна трудиться.

13.

Прошло почти шесть тысяч лет,
Как начала я чистить свет;
Со мною сладу людям нет,
И лишь теперь
Горнбук нанес мне сильный вред
И ряд потерь.

14.

Ведь он (чтоб дьявол в порошок

Его скорее истолок!)
Во всех лечебниках знаток.
Совсем беда мне:
В меня и крохотный сморчок
Кидает камни!

15.

Своим трезубцем и косою
Всегда справляюсь я с толпой,
Но сталь их сделали тупой
И бесполезной
Искусство лекаря с рукой
Его железной.

16.

Вчера больному нанесла
Такой удар я, что могла
Людей сгубить им без числа;
Что ж оказалось?
Ведь у него вся кость цела
Почти осталась!

17.

Неустршим и полон сил,
Горнбук большого сторожил —
И мне трезубец иступил:
Он стал – хоть брось!
И кочана б он не пробил
Теперь насквозь!

18.

Тогда, засаду затая,
Схватила косу в руки я —
И зазубрила лишь края:
Все было даром!
Скорей скалу рука моя
Снесла б ударом!

19.

Порой он даже не пойдет

Смотреть больного, если тот,
Схватив капустный лист, пришлет
Его Горнбуку:
Он и по нюху пустит в ход
Свою науку.

20.

К своим услугам он собрал
Весь медицинский арсенал
(Как «Отче наш», его он знал):
Ланцеты, пилки,
Всех видов режущий металл,
Всех форм бутылки.

21.

Морская соль, настой рожков,
Запас различных порошков:
Кора и глина всех сортов,
Толченый мел,
Труха поджаренных бобов —
Он все имел.

22.

А сколько средств последних дней!
Urinus spiritus {Моча (лат.)} мышей,
Экстракт из усиков клещей,
С золой растертых.
И ряд подобных же вещей
Стоял в ретортах.

23.

– Но, если так, дождется бед
Могильщик скоро! Я в ответ:
– Ведь не пройдет и двух-трех лет,
Как мы кладбище
Начнем пахать: Бедняга Гед!
Ты – скоро нищий!

24.

Скелет, залившись смехом, вдруг

Сказал: – Не так-то скоро, друг,
Избороздит кладбище плуг!
Иного рода
В нем ям подбавится вокруг
Через два-три года.

25.

На одного, что я убью,
Горнбук – я клятву в том даю —
Покончит разом с двадцатью;
Его пилюли
Уложат целую семью
Вернее пули.

26.

Тяжелый на руку портной
Неосторожен был с женой;
Купил он мази, чтоб больной
Полегче стало:
Легла та с болью головной,
Да и не встала!

27.

Крестьянин резью заболел;
Сын двух овец не пожалел
И у Горнбука взять сумел
Такое средство,
Что очень скоро сам успел
Вступить в наследство.

28.

Напиток скверный вздул живот
У честной девушки; и вот
К Горнбуку бедная идет:
Тот скрыл позор,
Да так, что ввек уж не найдет
Ее наш взор.

29.

Вот образец приемов тех,

Какие создали успех
Горнбуку. Слишком уж, на грех,
Он деньги любит:
Отбив моих клиентов всех,
Он сам их губит.

30.

Но – ждать не долго! Я не лгу
(Пока об этом – ни гугу!),
Что хвастунишку съесть могу
Я, как селедку:
При первой встрече с ним, врагу
Зажму я глотку.

31.

Тут голос призраков глухой
Прервал часов церковных бой;
Уж было за полночь. Домой
Я зашагал.
А призрак Смерти за горой
Вдали пропал.

Робин

Был парень в Кайле. Не беда,
Коль я не дам себе труда
Развить в подробностях, когда
На свет родился Робин.
Беззаботный шелопай,
Ныть был Робин неспособен.
Беззаботный шелопай,
Весельчак был Робин.
За год до смерти короля,
Едва забрезжилась заря,
В день двадцать пятый января,
Как свет увидел Робин.
Взглянув в ладонь малютке, так
Кума решила: «Наш толстяк,
Поверьте, будет не дурак;
Пусть он зовется Робин.
Хоть в жизни беды ждут его,
Он не погибнет от того, —
Напротив, края своего
Составит славу Робин.
Но (я готова присягнуть!),
По всем приметам будет льнуть
К другому полу плут... О, будь
Любимцем нашим, Робин!

Хоть много, девушки, среди вас
Найдется жертв его проказ, —
Есть люди хуже во сто раз...
Христос с тобою, Робин!»
Беззаботный шелопай,
Ныть был Робин неспособен.
Беззаботный шалопай,
Весельчак был Робин.